

СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наверное, сегодня уже никто не будет спорить, что в последние 10—15 лет в нашей стране произошли радикальные изменения, как экономического, так и социально-политического характера, затронувшие общество в целом и каждого отдельного человека в частности. Свершившимся фактом стал распад государства, в течение многих десятилетий определявшего морально—нравственные устои и ориентиры общества, прошел «парад суверенитетов», идеологический монизм сменился идейным плюрализмом. За это время страна пережила уже несколько этапов радикальных экономических реформ, повлекших за собой изменение всей социальной структуры российского общества. Уже сейчас исследование этих преобразований стало предметом анспециалистов многих научных дисциплин: экономики, социологии, истории, социальной (культурной) антропологии и других. В задачу настоящей статьи не входит анализ происходящих социальных и экономических трансформаций, однако нам представляется, что на сегодняшний день назрела необходимость дать научную оценку тех социально-психологических процессов, которые их сопровождают.

Кризисное общество порождает систему различного рода стрессоров, с которыми сталкивается сегодня практически каждый человек. Это может быть и потеря стабильного места работы, и ухудшение материального уровня жизни, и неразрешимые для многих людей жилищные проблемы. Как бы то ни было, но в период государственного социализма большинство граждан нашей страны чувствовали большую уверенность в

себе и в завтрашнем дне. Могущественное государство обеспечивало относительную стабильность общества, было в состоянии защитить человека от многих превратностей жизни. С развитием кризиса человек, личность остается наедине с собой, один в бушующем мире социальных трансформаций. Это неизбежно связано с потерей устоявшихся ценностей и идеалов как общественной, так и индивидуальной жизни, что с большой степенью вероятности влечет за собой потерю устойчивой социальной идентичности (*Андреева, 1997*).

В эпоху нестабильности человек теряет определенность собственной жизни, он перестает отождествлять себя с макро-социальной общностью, исчезает сложившееся ценностно-ориентационное единство с ней. А в случае, когда существующая принадлежность к общности перестает удовлетворять субъекта, он стремится либо покинуть группу, с которой себя отождествляет, либо сделать так, чтобы в его восприятии эта группа стала позитивно отличной от других (*Агеев, 1990*). При этом человек нуждается в самоидентификации, которая давала бы ему некоторые ориентиры социальной жизни. В этих условиях начинается поиск той социальной общности, которая позволила бы восстановить базовые ценностные основания, защитить от трудностей и превратностей жизни.

Вследствие разрушения прежней и отсутствия новой общественной идеологии, способствующей сплочению людей, у человека возникает и усиливается потребность в различных иллюзиях, чудесах, сектах, с помощью которых он может почувствовать себя уверенным и защищенным, ощутить свою принадлежность к некоей социальной общности. Как справедливо отмечают Е. П. Белинская и Т. Г. Стефаненко (2000), в последние годы в России образовалось огромное количество групп, претендующих на реализацию ценностно-ориентационной и защитной функций. Это и многочисленные религиозные организации, и разнообразные политические партии, а также получившие массовое распространение неформальные и творческие объединения. Но в большинстве своем они не могут стать основанием для формирования новой социальной идентичности, поскольку сами по себе не способны создать такую

систему норм и ценностей, которая удовлетворила бы большую часть народонаселения России. Более того, многие из этих групп вообще не имеют определенной идеологии своего существования и основываются лишь на ряде формальных признаков (специфическая одежда, прическа, стиль общения, символика), на основании чего их можно считать лишь инсценировками групп. В силу этих обстоятельств подобные общности не могут удовлетворить потребность большинства людей в восстановлении социальной целостности и упорядоченности, защиты и ценностной ориентации.

Тем не менее человеку необходимо иметь устойчивые групповые связи, он испытывает острую потребность в отождествлении себя с некоторой стабильной социальной группой. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами становятся, прежде всего, межпоколенные общности — семья и этнос, которые выступают в период кризиса как «аварийные группы поддержки» (*Белинская, Стефаненко, 2000; Кауunenко, 2000*). Во многом это связано с тем, что, как отмечает Т. Д. Гурко, в отличие от стабильного, кризисное общество обладает ограниченными макросоциальными ресурсами для формирования идентичности (личностной или социальной), вследствие чего происходит обращение к микросоциальным основам функционирования общественной системы (*Гурко, 1995*).

При этом если принадлежность к этносу может быть достаточно условной, то семья является той общностью, к которой непосредственно принадлежит человек, в которой он живет и существует, на которую ориентируется в выборе своих действий. На фоне снижения общего уровня жизни, изменения привычной социальной среды, роста конкурентных отношений в профессиональной сфере потребность человека в принадлежности к семейной группе и отождествления себя с ней неизбежно возрастает. Именно семья становится общностью, в которой человек получает психологическую поддержку и признание, в которой он может чувствовать себя уверенно и безопасно. По мнению К. Леша, в бездушном, раздираемом противоречиями обществе «семья стала олицетворять собой

единственный источник эмоциональной опоры для ее членов», именно она дает человеку основание для формирования новой идентичности, устойчивых оснований своей социальной жизни (Леви, 1990, С. 95).

В связи с этим на сегодняшний день с особой актуальностью встает проблема исследования механизмов формирования семейной идентичности человека, поскольку, как это ни парадоксально, данный вопрос в современной психологической литературе практически не освещается, хотя тема изучения семьи как таковой по-прежнему остается популярной и даже модной. Основой самоотождествления человека с некоторой социальной группой является, прежде всего, принятие ее норм и ценностей, ценностно-ориентационное единство с ней. Поэтому логично было бы рассматривать вопрос формирования семейной идентичности начиная с особенностей развития и трансформации семейных ценностей в условиях социальной нестабильности. Однако, прежде чем перейти к анализу этой проблемы, обратимся к некоторым теоретическим аспектам рассмотрения института современной семьи, поскольку некоторые вопросы, связанные с ним, требуют, по нашему мнению, дополнительного комментария.

Семья стала центром внимания исследователей различных дисциплин достаточно давно. Еще в конце XIX в. Г. Кунов и Л. Морган, К. Штарке, Э. Вестермарк опубликовали первые научные труды, посвященные историческому анализу возникновения института семьи и структуры власти в ней. Однако до настоящего времени в науке не сложилось однозначного определения семьи и, соответственно, единого представления об ее функциях и ценностях. Некоторые из существующих определений настолько распространены, что не всегда удается достоверно определить их авторство. Не ставя перед собой задачи предложить новую дефиницию, попытаемся провести небольшой теоретический анализ существующих принципов определения семьи, которые могут быть важными для исследования ценностей семейной жизни в современный период.

В целом, можно выделить два основных направления в разработке проблемы определения понятия «семья» (*Харчев, Мацковский, 1978; Навайтис, 1999*). *Фактологический* подход фиксирует эмпирически наблюдаемую картину распределения населения по группам, в основе которого лежат супружество и родственные связи. В рамках этого подхода семья определяется как «малая социальная группа, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и ребенком, братьями и сестрами, а также другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» (*Соловьев, 1971. Цит. по: Эйдемиллер, Юстицкий, 1999, С.20*). Напротив, *логический* подход ориентирован на выявление специфики социального феномена семьи, обладающего совокупностью устойчивых, повторяющихся признаков. С этой точки зрения, семья рассматривается как социальный институт и форма институционализации ответственности, долга и других социальных норм, групповым ядром которой является брачный союз, включающий всебя отношения «мать — ребенок» и «отец — ребенок», а отсюда и отношения «мать — отец». Иначе говоря, семья есть результат того, что «в любви участвуют двое и возникает третья, новая жизнь» (*Харчев, Мацковский, 1978*).

Обобщая выделенные подходы, можно отметить, что в обоих случаях в качестве единого основания рассмотрения семьи как института и как малой социальной группы выступает понятие «брак». Брак, в определении отечественных исследователей, есть «санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, включающая в себя горизонтальные («муж — жена») и вертикальные («родители — дети») связи» (*Харчев, 1982, С.62*). Принимая во внимание данный подход, мы, тем не менее, не можем согласиться с тем, что брак как форма существования семейной структуры является единственной точкой анализа семьи как социального института, поскольку далеко не сегодня стали возникать семьи, фактически существующие вне брач-

ных отношений. Так, С. И. Голод описывает новые тенденции в развитии семьи, возникшие еще в конце XIX — начале XX в. К ним он относит: увеличение числа мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак; снижение рождаемости и рост числа разводов, широкое распространение сексуальных контактов вне семьи (в том числе проституцию), отмирание контроля со стороны религии и эмансипацию женщин вследствие их вовлечения в профессиональную деятельность (Голод, 1984). Сегодня многие исследователи также отмечают значительный рост числа семей, существующих вне брака, определяя этот факт как тенденцию разделения институтов брака и семьи. В частности, в исследовании Центра общечеловеческих ценностей было обнаружено, что около 13% респонденток оценивают свое семейное положение как «фактически я замужем, но не могу (или не хочу) оформить наши отношения» (Гурко, 1995). Можно предположить, что сегодня эта цифра будет еще более высокой. Более того, статистика показывает, что большинство беременностей у ранее не рожавших женщин наступает вне брака — на их долю приходится 61,7% всех зачатий. В связи с этим для понимания современной семьи и тенденций ее развития необходимо разделить понятия института брака и фактического супружества. Под супружеством понимается личностное взаимодействие мужчины и женщины, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями (Голод, 1984). В отличие от брака супружество характеризуется неинституциональным характером связи, а также равноправием и симметричностью нравственных обязательств и привилегий супругов.

Таким образом, семья не является застывшей, устойчивой формой, и, как всякая социальная общность, она подвержена изменениям. Констатация этого факта дала начало разработке эволюционной концепции развития семьи, начало которой было положено в работах по исследованию семьи, написанных еще в конце XIX века (Л. Морган, Г. Кунов). Новым историческим импульсом развития данной теории стали работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Они показали, что семья в своем

развитии прошла большой и сложный путь, вершиной которого стал моногамный брак.

И сегодня это состояние невозможно считать окончательной формой ее существования, ибо семья вообще и моногамная семья, в частности, находятся как под непосредственным, так и под опосредованным воздействием общества, в силу чего она и впредь будет изменяться вместе с ним. В этом состоит историческая конкретность развития института семьи: семья меняется со временем, приспосабливается к меняющимся общественным отношениям. По мнению С. И. Голода (1984), данная общность представляет собой одну из разновидностей открытой эволюционирующей системы, поскольку она включает в себя определенным образом взаимодействующие между собой составные части, и одновременно сама, как целое, находится во взаимодействии с другими социальными объектами как часть целого уже более высокого порядка, т. е. общества. Таким образом, признание эволюции семьи естественно породило новую проблему — проблему определения возможных трансформаций развития данного социального института (*Харчев, 1986; Мацковский, 1989; Голод, 1984, Дружинин, 1996; Навайтис, 1999* и др.).

Происходящие в настоящий момент коренные общественные преобразования не могли не оказать воздействия на развитие института семьи, на семейные отношения, мораль, принципы воспитания. Сегодня практически каждая российская семья прошла через экономический кризис, который одни смогли преодолеть и адаптироваться к жизни в новых социальных условиях, вышли из него преобразованными, с новыми правилами, системой ценностей, другие же потеряли и то немного, чем владели. В связи с этим с особой актуальностью встает вопрос определения возникающих сегодня трансформаций семейной структуры, механизмов формирования семейной идентичности. Исследование этих социально-психологических процессов позволит решить вопрос о дальнейшем направлении развития семьи, а также определить последствия проживания кризиса ее членами, что даст основание для разработки новых

направлений психологической помощи отдельно взятому человеку и семье в целом.

Одним из актуальных моментов исследования современных трансформаций является изучение динамики семейных ценностей. При этом следует отметить, что в современных исследованиях проблема ценностно-функционального аспекта жизнедеятельности семьи остается малоизученной. В литературе представлены результаты изучения изменения структуры, численности семьи, ее динамики и сдвигов нормативных семейных кризисов. Однако, по не вполне ясным для нас причинам, вопрос трансформации семейных ценностей и их внутренней динамики остается открытым. Возможно, это связано с тем, что в самом обществе еще не определены установки, нормы и ценности социальной жизни, а в отсутствии этого ориентира достаточно сложно говорить о ценностных ориентациях семьи как социального института. Ведь семья это не просто микросреда существования человека, а своего рода «социальный микрокосм, повторяющий в своей структуре наиболее близкую к оригиналу модель структуры общественной» (Харчев, 1982, С. 67). В определенной степени здесь образуется замкнутый круг. Потерявшее устойчивость государство утратило возможность оставаться центральной точкой определения социальной идентичности для своих граждан, в силу чего, как мы уже отмечали, определился сдвиг установления идентичности с межпоколенными общностями (прежде всего с семьей). При этом устойчивое отождествление себя с некоторой большой или малой социальной группой требует принятия системы ее норм и ценностей, а в условиях нестабильного общества эта система не определена, вследствие чего мы можем говорить о возможной динамике устоявшейся ранее ценностной значимости отдельных семейных функций. В частности, Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис отмечают трансформацию сексуально-эротической функции, которая ранее считалась второстепенной, а в новых социальных условиях, в связи с изменением общественного сознания, выходит на первый план. Качественное изменение претерпела и функция первичного социального контроля семьи — повысился уровень терпимости

к супружеским изменам, рождению внебрачных детей, что подтверждают и приведенные выше статистические данные (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

Функции семьи призваны реализовывать ее возможности в качестве как цели (создание оптимальных условий для формирования социальной идентичности и социализации детей), так и средства удовлетворения общественных, групповых и индивидуальных потребностей (Харчев, Мацковский, 1978). При этом сами семейные функции являются формой реализации двухсторонней связи. Через них семья связана с обществом, с одной стороны, и составляющими ее индивидами, с другой. Реализация основных семейных функций удовлетворяет потребности отдельных членов семьи и системы в целом, в том числе и ее потребность в росте и изменении. Однако также как до сегодняшнего дня в науке не обозначилось единого определения семьи, так и в многочисленных публикациях по проблемам семьи указывается значительное количество ее функций, нередко различающихся между собой, а в некоторых случаях и противоречащих друг другу. По мнению Г. Навайтиса, причиной этого является недостаточно четкое определение потребностей, удовлетворяемых в семье (Навайтис, 1999).

В частности А. Г. Харчев и М. С. Мацковский (1978), описывая функции семьи, выделяют функцию воспроизводства (именно она, по их мнению, составляет социальную сущность семьи), хозяйственно-бытовую (хозяйственно-экономическую), воспитательную, рекреативную (досуговую) функции и функцию первичного социального контроля. Н. Н. Обозов и А. Н. Обозова (1982) дополняют данный список функцией представительства и защиты семьи перед более широким социальным окружением. В. И. Зацепин, Л. М. Бучинская и И. Н. Гавриленко в изданном ими словаре «Семья: социально-психологические и этические проблемы» (1989) описывают такие функции как: экономическая, репродуктивная, воспитательная, рекреативная, коммуникативная, регулятивная и фелицитологическая (от итальянского «фелиците» — счастье). Дж. Мевес (1989) называет функции социального и экономическо-

го статуса, самовыражения, продолжения рода, постоянства общения и смысла сексуальной связи, а А. Эглите (1990) - функции рождения и воспитания детей, удовлетворения духовных потребностей и бытовую. В. Н. Дружинин (1996) выделяет экономическую (в доиндустриальном обществе семья была первичной производственной группой, в наше время внутри семьи распределяются доходы, заработанные во вне, и происходит потребление), функцию передачи социального статуса (семьи разных слоев общества имеют различный социальный статус и передают его новым членам семьи — детям), а также функцию поддержания благосостояния членов семьи. Э. Г. Эйдмиллер и В. В. Юстицкис (1999) — предлагают следующий перечень семейных функций: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, духовная, сексуально-эротическая и функция первичного социального контроля.

Нередко список выделяемых функций зависит от задач конкретного исследования. Так, Г. Навайтис, описывая исследование влияния семьи на нравственное развитие и социализацию ребенка Р. Штерна (1993), отмечает, что автор выделяет такие функции семьи, как подготовка детей к самостоятельной экономической деятельности, ознакомление с религиозными и нравственными ценностями, формирование сексуальной ориентации. Таким образом, здесь налицо дробление такой важнейшей функции семьи как рождение и воспитание детей, представленной практически у всех авторов. Очевидно, что в исследовании, посвященном изучению других аспектов жизни семьи, все перечисленные функции можно было бы объединить в одну (Навайтис, 2000).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что большая часть семейных функций могут удовлетворяться и вне семьи, другими людьми или социальными институтами. Однако важнейшей особенностью функций семьи является их комплексность. Бесспорно, удовлетворяемые в семье потребности могут быть реализованы и вне нее, однако только семья позволяет реализовать их в комплексе. Несмотря на достаточно обширный перечень разнообразных функций семьи, выделяется определенный «костяк» потребностей, на которых они основаны

ваются, представленный в работах практически всех авторов. Вслед за А. Н. Елизаровым (1996) попытаемся представить обобщенный список наиболее часто встречающихся в литературе функций, приписываемых семье (по мере уменьшения частоты их встречаемости в литературе):

рождение и воспитание детей;

трансляция ценностей из поколения в поколение, аккумулярование и реализация социально-воспитательного потенциала;

удовлетворение потребностей в эмоциональном комфорте и психологической поддержке, чувстве безопасности, ощущении ценности и значимости своего «Я», эмоциональном тепле и любви;

создание условий для развития личности всех членов семьи;

удовлетворение сексуально-эротических потребностей;

удовлетворение потребности в совместном проведении досуга;

организация домашнего хозяйства, разделение труда в семье, взаимопомощь;

удовлетворение потребностей в отцовстве или материнстве, общение с детьми, их воспитание, самореализация в детях;

удовлетворение потребности человека в общении с близкими людьми, в устойчивых коммуникативных связях с ними;

социальный контроль за поведением отдельных членов семьи;

организация деятельности по финансовому обеспечению семьи;

охрана здоровья членов семьи, организация их отдыха, снятие стрессов.

Рассматривая представленный выше список, следует еще раз подчеркнуть, что им список функции семьи как социального института далеко не ограничивается. В этом плане можно согласиться с М. Соловьевым, который считал, что «...функций семьи столько, сколько видов потребностей они удовлетворяют в устойчивых, повторяющихся формах» (Цит. по: *Навайтис*, 2000, С. 4).

Вторым аспектом исследования ценностно-функциональной структуры современной семьи, связанным с многочисленными противоречиями, является вопрос определения так называемой «ведущей» семейной функции. Большинство исследователей в качестве ведущей функции семьи выделяют функцию рождения и воспитания детей (*Бехтерев, 1921; Федотова, 1981; Харчев, 1986*). Однако на этот счет имеются и другие точки зрения. Например, Л. Я. Гозман и Ю. Е. Алешина считают, что основной функцией семьи является обеспечение комфорта и психологической поддержки ее членов, а репродуктивная функция — есть частный случай потребности в эмоциональных контактах, так как взрослые члены семьи, прежде всего, ждут от своих детей любви и эмоциональной поддержки (*Гозман, Алешина, 1985*).

Основной проблемной точкой данной дискуссии является определение критериев сравнительной оценки отдельных сторон семейной жизни. По мнению некоторых авторов, поиск главной, ведущей функции семьи отражает поиск основного интегрирующего фактора такой социальной группы, как семья (*Елизаров, 1996*). На наш взгляд, такой подход не совсем правомерен. Ведущая функция индивидуальна для каждой семьи, и значимость каждой отдельной функции в различных семьях может оцениваться по-разному. Это во многом зависит от того типа семейной структуры, в котором человек хочет жить. Каждая семья создает собственную субкультуру, которая основана на определении значимости ее функций (их ценности), а основополагающие характеристики семьи и брака определяются, прежде всего, тем, насколько успешным считают свой брак сами супруги, насколько они удовлетворены им (*Гозман, Алешина, 1985*).

Реализуя свои функции, семья сама по себе определяет значимость каждой из них. Обозначенные выше функции, преломляясь в сознании личности, выступают как установки относительно семейных ценностей. Эти ценности образуют иерархическую шкалу: от самых важных до несущественных. Реализации ведущих для себя ценностей человек склонен уделять больше внимания, энергии, времени. Низкое качество реали-

зации членами семьи таких ценностей вызывает у него разочарование в семейной жизни с данным партнером, вследствие чего несовпадение иерархических шкал семейных ценностей супругов может стать причиной их социально-психологической несовместимости и выступить в качестве основания для возникновения глобальной неудовлетворенности семейной жизнью (Обозов, Обозова, 1982).

Таким образом, каждая из указанных функций имеет свою, внутреннюю ценность для отдельной семьи и конкретного субъекта, и она не является однажды и навсегда сформировавшимся образованием. Как мы уже отмечали, семья есть отражение происходящих в обществе событий и трансформаций, это не окостеневшая система, а живой социальный организм, который постоянно эволюционирует, развивается и изменяется вместе с развитием общества. Таким образом, и система семейных ценностей не может быть постоянной и стабильной, а также подвергается временной трансформации. В этом плане ведущую функцию семьи можно рассматривать как сохранение, развитие, преобразование и передачу последующим поколениям сложившейся системы ценностей, которые на субъективном уровне выступают как ценностные ориентации членов семьи (Елизаров, 1996). Результатом этого процесса как раз и является формирование идентичности каждого члена семьи с семьей в целом. По мнению многих авторов, главной характеристикой и основой стабильности семьи, а также эмоциональной удовлетворенности членов семьи жизнью в ней является единство целей и ценностей, которые в ней задаются (Елизаров, 1996; Эйдемиллер, Юстицкий, 1999). В этом смысле существование и развитие семьи можно понимать как процесс постепенной идентификации ее членов с этими целями. Принятие человеком ценностей, декларируемых семьей, отражает его внутреннюю солидарность с ее устоями и идеалами и тем самым способствует формированию категоризации собственного «Я» и его отождествлению с семейной структурой.

В работах отечественных и зарубежных психологов, философов и социологов (А. Г. Харчев; С. И. Голод; Н. Н. Обо-

зов; С. Кратохвил; Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис; Г. Г. Силласте; Ю. Л. Василевский и др.) были предприняты попытки соотнесения структуры семейных ценностей на различных этапах развития семьи и общества.

Так, А. Г. Харчев (1986) фиксирует существенные изменения семейных ценностей в 70-е - 80-е гг. XX столетия по сравнению с дореволюционной Россией (хотя, по нашему мнению, описываемые автором направления этих изменений несут на себе явно выраженный идеологический характер... Ю.Ф.). Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис, определяя отличительные признаки современной российской семьи, пишут: «Ранее сложившаяся идеология тоталитарного общества сформировала жесткую систему принуждения и долженствования. Из-за этого семейный быт, поведение, ценности напоминали эпохи, когда человек забывал о существовании собственного «Я», строя свое поведение так, чтобы оно было угодно государству (богу, феодалу и т. п.)» {Эйдемиллер, Юстицкис, 1999, С. 8). Г.Г. Силласте (1995) в исследовании эволюции духовных ценностей российских женщин обнаружила общее увеличение значимости нравственных ценностей, связанных с семейно-бытовой сферой (сравнивались данные полученные в 1990 и 1994 гг.). Ю.Л. Василевский на основании результатов проведенного им исследования изменения ценностей россиян в посткризисный период (имеется в виду августовский кризис 1998 г.) констатирует, что кризис мало повлиял на оценку людьми таких ценностей, как семья и взаимоотношения в ней, общение с друзьями и близкими, желание обрести стабильное будущее, стремление к духовному самосовершенствованию. После кризиса люди стали придавать большее значение материальному достатку, обеспечению своей семьи, при этом прослеживается общая тенденция усиления желаний социального самоутверждения, получения признания и уважения окружающих. Обнаружилось, что и мужчины и женщины стали уделять больше внимания своим детям, их образованию и обеспечению их благополучного будущего. Усилилось внимание к общечеловеческим, нравственным ценностям, повысилось значение ценности самой жизни как таковой (Василевский, 2000)¹.

На наш взгляд, одной из наиболее обширных психологических работ, посвященных исследованию семейных ценностей супругов, на сегодняшний день является исследование О. С. Сермягиной (1991). В ходе эксперимента сравнивалось отношение мужей и жен из проблемных и непроблемных семей к следующим ценностям: внешняя привлекательность брачного партнера и сексуальное общение с ним, взаимопонимание, хозяйство и быт, воспитание детей, поддержание деловой активности вне семьи (профессиональная деятельность), эмоциональная и моральная поддержка.

Структура ценностных ориентаций на брак в данном исследовании представлена тремя блоками отношений (в зависимости от значения, которое придавалось этим ценностям): 1) взаимопонимание и воспитание детей; 2) эмоциональная и моральная поддержка, реализация внесемейной деловой активности; 3) внешняя привлекательность и сексуальные отношения. Данное разделение было сделано на основе статистического анализа отношения супругов в обеих выборках к вышеуказанным ценностям. При этом отношение супругов к ценностям, входящим в один блок, значительно не различается, а отношение к ценностям, входящим в разные блоки имеет значимые различия между собой на уровне не менее 5% по критерию Стьюдента.

Сопоставление субъективной значимости вышеперечисленных семейных ценностей выявило различие между оценками, даваемыми мужьями и женами из проблемных семей по шкале «Взаимопонимание»: жены в большей степени, чем мужья, ожидают взаимопонимания в семье, совпадения мнений, интересов, способов времяпрепровождения. Выявленная несогласованность отношения мужей и жен из «проблемных» семей к данной ценности рассматривается как один из факторов напряженности во взаимоотношениях между супругами в этих семьях. Автор подчеркивает, что, несмотря на достаточно высокую оценку значения взаимопонимания мужьями из «проблемных» семей, они, по-видимому, в меньшей степени реализуют в поведении стремление к личностной идентификации с женой, что приводит к фрустрации ее потребности в понима-

нии, принятии, сопереживании и т.п. Помимо этого было выявлено, что мужья из «проблемных» семей в меньшей степени ориентированы на внешнюю привлекательность супруги.

Отсутствие значимых различий по другим исследуемым параметрам в выборке «проблемных» семей О.С. Сермягина объясняет значительным стажем семейной жизни у всех опрошенных супругов, вследствие чего период взаимной адаптации, в ходе которого происходит согласование взглядов на цели и ценности супружеской жизни, она считает закончившимся. По мнению автора, межличностная напряженность в «проблемных» семьях поддерживается рассогласованием степени ориентированности супругов на личностное взаимодействие, о чем и свидетельствует наличие статистически достоверных различий в оценки мужьями и женами из этих семей такой ценности, как «взаимопонимание» (Сермягина, 1991).

Стоит отметить, что исследование О.С. Сермягиной было проведено в 1991 г. С тех пор, как мы уже отмечали, общество пережило целый ряд значительных изменений в общественной и социальной жизни, которые, по всей видимости, могла оказать непосредственное воздействие на трансформацию семейной структуры и динамику семейных ценностей. Вследствие этого мы считаем необходимым проведение исследования структуры ценностей современной российской семьи, сделав акцент на изучении их иерархии у супругов, находящихся на различных этапах развития брачных отношений. Это позволило бы не только определить характер и направление трансформации семейных ценностей в новых социальных условиях, но и провести исследование различий в иерархии ценностей в различные возрастные периоды.

Для реализации поставленных задач были сформированы три выборки испытуемых: в первую вошли супруги, стаж семейной жизни которых составляет 3—5 лет (51 пара), имеющие хотя бы одного ребенка; вторую выборку составили семьи с супружеским стажем 9—10 лет (45 пар); третью — семьи с супружеским стажем 17—20 лет (50 пар). При проведении данного исследования невозможно было не учитывать степень удовлетворенности браком в изучаемых семьях, поскольку, как

было убедительно показано О. С. Сермягиной, удовлетворенные и неудовлетворенные браком супруги имеют значимо отличающиеся иерархические шкалы семейных ценностей. Для нейтрализации данного факта было проведено пилотажное исследование удовлетворенности супругов браком по методике «Проективный рисунок семьи» и опроснику В. С. Торохтия «Внутрисемейная адаптивность и эмоциональная удовлетворенность браком» (Торохтия, 1998). По результатам последнего были отобраны семьи со средним коэффициентом внутрисемейной адаптивности и эмоциональной удовлетворенности браком у обоих супругов, которые приняли участие в основной серии эксперимента.

Для обеспечения возможности соотнесения наших результатов с результатами исследования О. С. Сермягиной мы сочли необходимым использовать аналогичный методический инструментарий— опросник А. Н. Волковой «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП). Данная методика основана на представлении о семье как:

хозяйственно-бытовом союзе, обеспечивающем функцию потребления и бытового обслуживания;

сексуальном союзе, выполняющем функцию полового удовлетворения;

психологическом союзе, обеспечивающем функцию моральной поддержки, организации досуга и создания среды для самореализации и развития личности;

родительском союзе, обеспечивающем функцию рождения и воспитания детей (Волкова, 1979).

Ранжирование целевых назначений брака позволяет определить ценностные ориентации супругов, а также степень их согласованности. Кроме того, с помощью методики РОП можно определить рольевые установки супругов, т. е. то, в какой мере супруг готов взять на себя ответственность за реализацию каждой из функций (ролевые притязания) и в какой мере он готов адресовать их выполнение партнеру (ролевые ожидания). Соотношение ролевых притязаний и ожиданий супругов определяет степень функционально-ролевой адекватности семьи. Рольевые установки анализируются по семи задан-

ным в методике шкалам, содержание которых отражает основные ценности семейной жизни: сексуальное общение, личностная идентификация с партнером, хозяйственно-бытовые ценности, воспитание детей, поддержание внешней социальной активности, эмоциональная и моральная поддержка, внешняя привлекательность и соответствие социальным стандартам. Соотношение иерархических ценностных шкал супругов определяет степень их идентификации с собственной семьей (семейной идентичности).

В связи с задачами нашего исследования сравнивались отношения мужей и жен из семей различных возрастных групп к следующим ценностям: внешняя привлекательность брачного партнера, сексуальное общение с ним, взаимопонимание, хозяйство и быт, воспитание детей, поддержание деловой активности вне семьи (профессиональная деятельность), эмоциональная поддержка. Полученные в ходе нашего эмпирического исследования результаты, а также результаты исследования О. С. Сермягиной представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ценностные ориентации супругов различных возрастных групп на брак (иерархический ранг)

	Ценности	Молодые семьи	Семьи со средним стажем	Зрелые семьи	В целом по выборке	Результаты 1991 г
1	Сексуальные ценности	2	4	6	5	7
2	Взаимопонимание	3	6	1	3	2
3	Хозяйство и быт	6	5	2	6	5
4	Воспитание детей	7	1	3	3	1
5	Деловая активность	1	3	5	1	4
6	Поддержка в семье	5	2	4	3	3
7	Внешняя привлекательность	4	7	7	7	6

Полученные в ходе исследования результаты были подвергнуты статистической обработке. Определялась значимость

различий в оценке отдельных семейных ценностей между мужьями и женами внутри каждой выборки, а также между средневывборочными значениями их оценки (по t-критерию Стьюдента). Результаты математических расчетов показали, что различия в оценке семейных ценностей мужьями и женами внутри каждой из выборок не являются статистически достоверными, иными словами, наблюдается внутренняя согласованность ценностной иерархии внутри исследуемых семей.

Мы связываем это с тем, что в ходе проведенного пилотажного исследования были отобраны семьи со средней и высокой степенью эмоциональной удовлетворенности браком, что и обусловило наличие внутренней согласованности иерархических ценностных шкал. Нас больше интересовало, имеются ли достоверные различия в оценке отдельных семейных ценностей между исследуемыми выборками. Такие различия были обнаружены в оценке значимости взаимопонимания между семьями со значительным стажем совместной жизни и «средневозрастными» семьями, в оценке хозяйственно-бытовых ценностей зрелыми семьями и двумя другими выборками супругов, в оценке репродуктивной функции между «средневозрастными» и молодыми семьями, в оценке значимости внесемейной деловой активности между молодыми и зрелыми семьями, а также в оценке ценности внешней привлекательности семьи между молодыми семьями и семьями двух других выборок. Эти результаты дают основание предположить, что семьи с различным стажем совместной жизни по-разному оценивают значимость различных семейных функций, а их внутренняя иерархия семейных ценностей - функций не является подобной. Представляется, что данный факт нуждается в дополнительной качественной интерпретации.

При рассмотрении полученных показателей прежде всего обращает на себя внимание увеличение значимости такой ценности, как внесемейная деловая активность, по сравнению с результатами исследования 1991 г. Это обстоятельство имеет под собой достаточно определенную социально-экономическую основу. Ухудшение общего уровня жизни, «шоковая терапия» экономического реформирования вынуждают больший-

ство людей проявлять значительную профессиональную трудовую активность для обеспечения определенного материального благосостояния своей семьи. Подчеркнем, что в нашем исследовании деловая активность супругов рассматривалась в аспекте ее отношения к семейным, а не личностным ценностям и формулировка вопросов предусматривала определение иерархического ранга обозначенной ценности в ее отношении не к профессиональному развитию человека, а в значимости данного типа активности для семьи в целом. Вследствие этого мы можем говорить об увеличении субъективного значения материального благосостояния семьи для ее благополучного существования, что, в принципе, является в достаточной степени предполагаемым и прогнозируемым результатом.

Помимо этого наблюдается явное усиление значимости сексуальной ценности семейных отношений (особенно для молодых семей и семей со средним супружеским стажем). Мы объясняем данный факт тем, что в современном российском обществе информация, касающаяся интимных отношений между мужчиной и женщиной как внутри семьи, так и вне нее, стала более открытой и доступной. Еще свежа в памяти фраза, брошенная одной из участниц первых телестовов СССР - США, о том, что «...секса у нас нет». Господствующая общественная установка на сексуальные отношения как нечто постыдное и грязное, которая превалировала в нашей стране в 70—80-е гг., обусловила негативное массовое сознание и низкую сексуальную культуру населения. Современная тенденция к появлению все более открытой разнообразной информации (количество которой, к слову, иногда является даже чрезмерным), а также сформировавшееся общественное мнение о значении сексуальных отношений в жизни человека, как раз и объясняет факт увеличения иерархического ранга соответствующей области в общем списке семейных ценностей. Подобное явление нашло свое подтверждение в ряде других психологических и социологических исследований (см. *Елизаров*, 1996; *Навайтис*, 2000). Это дает основание некоторым авторам называть обстановку, сложившуюся в данном аспекте человеческих отношений, «началом сексуальной революции в России».

Равный по значимости средневыборочный иерархический ранг в нашем исследовании обнаружили такие ценности, как воспитание детей, взаимопонимание и эмоциональная поддержка в семье. Однако удельный вес каждой из них в иерархической шкале супругов с различным стажем совместной жизни неодинаков. Так, для «средневозрастных» семей наиболее значимой ценностью является воспитание детей. Объяснение этого факта мы видим в том, что на этом этапе развития семейно-брачных отношений именно воспитание детей является «ведущей» функцией жизнедеятельности семьи. Предполагается, что молодые супруги в большинстве своем используют помощь собственных родителей для ухода за детьми и их воспитанием, уделяя большее внимание становлению собственной профессиональной деятельности и карьеры (о чем свидетельствует наивысший ранг ценности «Деловая активность» в данной выборке). Что же касается семей со значительным стажем совместной жизни, то они находятся на том этапе развития отношений, когда дети уже достаточно взрослые и самостоятельные и не нуждаются в постоянной опеке родителей. В «средневозрастных» семьях (возраст супругов 30—40 лет) профессиональная деятельность супругов является достаточно стабильной, а помощь старшего поколения сведена к минимуму, при этом дети находятся в младшем школьном или подростковом возрасте и нуждаются в особом внимании и опеке.

Для «зрелых» семей наиболее значимы ценности так называемой «группы эмпатии» - взаимопонимание и эмоциональная поддержка в семье. Впрочем, для супругов средней и младшей возрастных групп эти ценности также имеют достаточно высокий иерархический ранг (см. таблицу 1). Именно благодаря ощущению своей принадлежности семье, чувству поддержки и взаимопонимания в ней каждый из супругов формирует позитивную социальную идентичность с собственной семейной структурой. Иными словами, увеличение значимости ценностей из «группы эмпатии» подтверждает наше предположение об увеличении значимости идентификации себя с семьей как ведущей социальной идентичности.

Парадоксальным на первый взгляд может показаться достаточно низкий иерархический ранг хозяйственно-бытовых ценностей, которые входят в группу наиболее значимых только у супругов со значительным стажем совместной жизни. Однако, по нашему мнению, этот показатель для «средневозрастных» семей является вполне объяснимым, поскольку, имея за спиной достаточно большой опыт семейной жизни (около 10 лет), супруги уже сформировали взаимодополняющие ролевые ожидания и притязания друг к другу относительно распределения бытовых обязанностей и решения соответствующих проблем. Как правило, такие семьи имеют устойчивые, хорошо сложившиеся бытовые характеристики (собственное или относительно автономное жилье, уровень материальной обеспеченности и т. п.), становление и расцвет их профессиональной деятельности пришлось на период «перестройки» и начала экономических реформ. Вследствие этого им не пришлось адаптироваться к изменившимся социальным условиям, бытовые характеристики их жизни и привычки складывались параллельно с общественными изменениями, и, скорее всего, супруги из этих семей, в отличие от более старших, рассматривают сложившиеся условия жизни как «нормальные», а не шоковые. Семьи со значительным стажем семейной жизни имеют более низкий уровень дохода (пенсионный или предпенсионный возраст), испытывают значительные адаптационные трудности жизни в новых социально-экономических условиях, вследствие чего бытовые проблемы воспринимаются ими как более насущные. Относительно неожиданным для нас оказался низкий иерархический ранг (6) хозяйственно-бытовых ценностей для молодых семей, большинство из которых только формируют свои бытовые привычки и часто не имеют в этой сфере независимости и автономности. Можно предположить, что часть бытовых обязанностей супругов берут на себя их родители, с которыми проживает большая часть молодых семей, что и объясняет их представление о проблемах хозяйственно-бытового плана как менее насущных и острых.

Более высокий иерархический ранг в выборке молодых семей имеют ценности сексуальных отношений, внесемейной

деловой активности и внешней привлекательности. Последний факт также нуждается в дополнительной интерпретации.

Имиджевые характеристики рассматриваются молодыми супругами как одна из ведущих семейных ценностей. Объяснение этого явления мы видим, прежде всего, в возрастных особенностях супругов данной выборки, а также связываем его с высоким иерархическим рангом такой ценности, как деловая активность вне семьи. Для того чтобы эта активность имела успешные результаты, необходимо, чтобы человек, ее осуществляющий, и его окружение имели привлекательные внешние данные и производили впечатление респектабельности и уверенности в себе, а поскольку карьерный путь молодых супругов находится в начале своего развития, данные факторы приобретают существенное значение для высокой субъективной оценки его успешности.

На втором этапе исследования был проведен анализ функционально-ролевой адекватности супругов различных выборок по исследуемым функциям, т. е. анализировалось соответствие ролевых ожиданий и притязаний супругов относительно распределения семейных ролей. Ожидания рассматривались нами как психологическая характеристика, связанная с «антиципацией»(предвосхищением) ролевого поведения супруга. Ролевые притязания определялись как мера психологической готовности одного из супругов взять на себя выполнение какой-либо семейной функции, т. е. реализацию соответствующей социальной роли. Соответствие ролевых ожиданий и притязаний внутри семьи обеспечивает развитие ее гармоничной ролевой структуры и способствует, согласно литературным данным, формированию позитивной оценки собственных семейных отношений (*Обозов, Обозова, 1982*). Определенный дисбаланс ожиданий и притязаний супругов по отношению друг к другу относительно распределения ролей в семье был обнаружен в выборке молодых семей. Это подтверждается наличием значимых различий по этим показателям в следующих функциях: хозяйственно-бытовая, родительско-воспитательная и функция эмоциональной поддержки. Сравнение притязаний и ожиданий каждого из супругов в данной группе

показало, что их соответствие у мужчин имеется по всем представленным функциям, а у женщин по функциям эмоциональной и моральной поддержки в семье, а также внешней привлекательности. Это может свидетельствовать о недостаточной сбалансированности системы семейных ролей в семьях с незначительным опытом семейной жизни, что, возможно, является следствием малого опыта взаимодействия в семье. Можно предположить, что эти семьи находятся на стадии формирования внутренней ролевой адекватности семьи, которая в достаточной степени складывается после пяти лет семейной жизни, что подтверждается отсутствием разрыва между притязаниями и ожиданиями супругов в «средневозрастных» и зрелых семьях.

Обобщая результаты исследования, хотелось бы отметить, что процесс трансформации семейных ценностей и самой семьи как ценности в современный период нуждается в дополнительном изучении. Можно предположить, что обнаруженная в данном исследовании структура семейных ценностей семей будет трансформироваться во временном плане, и это изменение необходимо зафиксировать путем перевода представленного исследования в лонгитюдный план. Общество не стоит на месте, оно еще не достигло достаточной экономической, социальной и политической стабильности и это дает нам уникальный шанс понять характер его влияния на динамику самых разнообразных процессов, происходящих в его минимальной структурной единице — семье.

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. / В.С. Агеев. — М.: МГУ, 1990.
2. Андреева Г.М Психология социального познания. / Г.М. Андреева. - М : Наука, 1997.
3. Белинская Е.П. Этническая социализация подростка. / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко - М, Изд-во МПСИ - Воронеж: НПО «Модэк», 2000

4. Василевский Ю.Л. Изменились ли ценности россиян в результате кризиса? / Ю.Л. Василевский // Журнал прикладной психологии. - 2000. - № 1. - С. 1 - 13.
5. Волкова А.Н. Ролевая адекватность как фактор супружеской совместимости // Психология общения и познания людьми друг друга.— Краснодар, 1979.
6. Гозман Л.Я. Социально-психологические исследования семьи: проблемы и перспективы. / Л.Я. Гозман, Ю.Е. Алешина // Вестник МГУ, серия 14 «Психология». - 1985. - №4. - С.10 - 20.
7. Голод С.И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. / С.И. Голод. - М.: Наука, 1984.
8. Гурко Т.Д. Трансформация института современной семьи / Т.Д. Гурко // Социс. - 1995. - №10. - С. 95-99.
9. Дружинин В.Н. Психология семьи. / В.Н. Дружинин. - М.: КСП+, 1996.
10. Елизаров А.Н. К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи / А.Н. Елизарова // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. - 1996. - №1. - С. 42 - 49.
11. Кауненко И.И. К проблеме формирования этнической идентичности / И.И. Кауненко // Журнал прикладной психологии. - 2000. - № 1. — С. 58 - 60.
12. Кле М. Психология подростка: Психосексуальное развитие. / М. Кле. - М.: Педагогика, 1991.
13. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. - Т.20. - 1999. - №3. - С.48-58.
14. Леш К. Семья — убежище в бессердечном мире / К- Леш // США: проблемы семьи. - М.: АН СССР, 1990. - С.93 - 102.
15. Мацковский М.С Социология семьи. / М.С Мацковский - М.: Наука, 1989.
16. Навайтис Г. Семья в психологической консультации. / Г. Навайтис - М.: НПО «Модэк», 1999.
17. Обозов Н.Н. Диагностика супружеских затруднений / Н.Н. Обозов, А.Н. Обозова // Психологический журнал. - 1982. - Т.3. - №2. — С. 147 - 151.
18. Сермягина О.С Эмоциональные отношения в семье. / О.С. Сермягина. - Кишинев: Штица, 1991.
19. Силласте Г.Г. Эволюция духовных ценностей россиян в новой социокультурной ситуации / Г.Г. Силласте // Социс. - 1995. - №10. - С. 88 - 95.
20. Торохтий В.С. Внутрисемейная адаптивность и эмоциональная удовлетворенность как значимые показатели психологического здоровья семьи: методика их изучения и оценки / В.С. Торохтий // Вестник психо-

диагностической и коррекционно-реабилитационной работы - 1998. - №3. - С. 30 - 50.

21. Харчев А.Г. Семья как фактор социально-культурного развития общества / А.Г. Харчев // *Общественные науки*. - 1982. - №4. - С. 60 - 73.

22. Харчев А.Г. Исследования семьи на пороге нового этапа / А.Г. Харчев // *Социс*. - 1986. - №3. - С.23 - 33.

23. Харчев А.Г. Современная семья и ее проблемы. / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. — М.: Статистика, 1978.

24. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи. / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис - СПб.: Питер, 1999.

25. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // *Мир России*. - 1995. Т.4. - № 3 - 4. - С. 158 - 182.

Примечание

¹ Следует отметить, что автор достаточно широко трактует понятие «ценности», не давая ему в работе однозначного определения.